

В группе переводных повестей Ярослав Мандат выделяет по их происхождению восточные повести, византийско-славянские, романско-славянские, западнославянские и повести западноевропейских неславянских народов. Приняв эту классификацию, он прослеживает вместе с тем влияние народной сказки на русские переводные повести каждой из намеченных им групп.

Во втором выпуске своего исследования автор предполагает показать традиции устной сказки в русской литературе; там же будут даны именные и предметные указатели ко всей работе.

Исследование Ярослава Мандата показывает блестящую эрудированность автора, представляя исчерпывающую сводку о взаимоотношениях русской литературы XVII—начала XIX в. с устной сказкой. Оно окажет существенную помощь всем изучающим этот важный вопрос, которому фольклористы и литературоведы до настоящего времени уделяют еще недостаточно внимания.

Э. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

С. И. Брук. *Карта народов Передней Азии* (с пояснительным текстом). М., 1960.

В серии крупномасштабных цветных этнических карт, подготовленных в последние годы Институтом этнографии АН СССР, видное место занимает карта народов Передней Азии, составленная С. И. Бруком под общим руководством П. Е. Терлецкого. Как и другие публикации этой серии, карта народов Передней Азии создана по новому, разработанному в Институте этнографии методу совмещения показа этнического состава и плотности населения, что дает возможность видеть не только расселение народов, но и их относительную численность в отдельных районах их этнической территории.

На карте народов Передней Азии показано 59 народов и выделено шесть ступеней плотности (для арабов и афганцев, кроме того, показано частично сохраняющееся у них деление на племена). Чтобы можно было оценить значение этих чисел, следует напомнить, что Ближний и Средний Восток является одним из наименее изученных в этническом отношении районов мира. По большинству переднеазиатских стран отсутствуют не только картографические или иные систематизированные данные по этническому составу и плотности населения, но и простые статистические сведения о численности и расселении народов. В одних странах Передней Азии (Афганистан, Саудовская Аравия, Йемен) переписи населения вообще не проводилось, в других (Иран, Турция) они не отражают этнического состава или же, в соответствии с ассимиляторской политикой правящих кругов, являются тенденциозными и недостоверными. В этих условиях составление этнической карты не могло не потребовать привлечения и тщательного анализа огромного количества самых разнообразных источников — карт и справочников, этнографических, географических, экономических и других монографий, дневников путешествий и даже отдельных упоминаний, разбросанных в обширной литературе по странам Передней Азии. Результатом такого кропотливого труда и является рецензируемая карта — первая капитальная публикация в данной области, подобной которой, как это уже отмечалось специалистами по поводу одного из ее предварительных изданий¹, до настоящего времени не существует ни в одной из зарубежных стран.

Научная ценность этнической карты определяется в первую очередь положенным в ее основу критерием выделения народов. Применительно к странам Передней Азии этот вопрос имеет особенно большое значение, так как здесь почти повсеместно еще не завершились процессы национальной консолидации и рядом со сложившимися или складывающимися нациями продолжают существовать многочисленные народности, племена и этнографические группы. Как говорилось раньше, правящие круги некоторых переднеазиатских стран проводят политику насильственной ассимиляции этнических меньшинств, а подчас даже и совсем отрицают их наличие. Поэтому автор карты поступил, несомненно, правильно, пойдя по пути максимальной детализации материала, показа всех, даже самых малочисленных этнических общностей. Выделенные на карте 59 народов (в отдельных случаях — групп народов или племен), пожалуй, полностью исчерпывают сложный этнический состав стран Передней Азии. При самых тщательных поисках можно найти лишь несколько опущенных этнографических групп: так, не выделены юрки в Турции, хамсе в Иране, левантинцы в Сирии и Ливане.

¹ См. рецензии Дж. Хьюза (*World ethnographies and culture. Historical synthesis. «American Anthropologist»*, 1959, т. 61, № 4) и Реза Арасте Ширази («Обзор книг», 1960, август, № 2, на перс. языке) на книгу «Народы Передней Азии», М., 1957.

Не менее важен лежащий в основе карты принцип классификации народов. Автор последовательно придерживается принятого в советской науке принципа этнолингвистической классификации. Как известно, последний состоит в группировке народов по их языковой принадлежности, однако с известными исключениями из этого правила — в тех случаях, когда в силу особенностей конкретно-исторического развития народа его главным этническим определителем становится не язык, а какой-либо другой признак. В классификации народов Передней Азии автором сделано только одно отступление от языкового принципа — выделение лингвистически недетерминированной группы африканцев. Это отступление, несомненно, оправдано. Основная масса переднеазиатских африканцев — потомки рабов, ввезенных в страны Аравийского полуострова; они говорят по-арабски, но остаются в значительной мере обособленной частью населения, что заставляет видеть в них особую этнографическую группу. Что касается африканцев, сравнительно недавно иммигрировавших в страны Передней Азии и не утративших родного языка, то они повсюду живут смешанно, и показать их лингвистическую принадлежность на карте было бы попросту невозможно.

Все же этноклассификационная часть легенды карты, на наш взгляд, продумана не до конца. Всякий, кто не имеет специальной научной подготовки, встретившись в легенде карты с **н а р о д о в** Передней Азии с таким, например, обозначением:

- Алтайская семья
 тюркская группа
 12. турки
 13. азербайджанцы и т. д.

сделает естественный вывод, что существуют алтайская семья или тюркская группа **н а р о д о в**. Поэтому, чтобы избежать отождествления народов и языков, следовало писать: «народы алтайской языковой семьи», «народы тюркской языковой группы» и т. д. В качестве мелкого недочета отметим, что коль скоро в легенде карты языковые семьи повсюду подразделены на группы, следовало провести такое же подразделение и для народов кавказской языковой семьи, указав, что языки грузин и лавов принадлежат к картвельской, а «черкесов» — в основном к адыго-абхазской группе.

Этнолингвистическая классификация народов Передней Азии отражена на карте подбором красок определенных цветовых гамм. Для народов семито-хамитской языковой семьи использованы краски фиолетовой гаммы, для народов алтайской языковой семьи — зелено-голубой, для народов индоевропейской языковой семьи — желто-красно-коричневой и т. д. В результате можно довольно легко видеть расселение народов по языковым семьям и группам. Однако из этого принципа почему-то сделаны ничем не оправданные исключения. Так, семитоязычные ассирийцы и индоязычные пенджабцы с родственными этим последним народами показаны черным цветом, который можно было бы сохранить, например, для дравидоязычных брагуев, неправоммерно показанных коричневым цветом, т. е. в данном случае одним из индоевропейских цветов.

Следует признать правильным выделение на карте шести ступеней плотности место семьи или восьми, показанных на других картах этой же серии (народов Китая, МНР и Кореи, народов Индокитая, народов Африки и пр.). В этой связи заметим, что распространенная практика выделения максимальной плотностью (свыше 2 тыс. чел. на 1 км²) наиболее крупных городов вообще неверна, так как города в отличие от сельских районов характеризуются не плотностью населения, а его численностью, людностью. Хорошей читаемостью карты народов Передней Азии способствует то, что на ней сплошным цветовым фоном закрашены все районы с плотностью населения свыше 10 чел. на 1 км². Благодаря этому значительные территории имеют сплошную закрашку и меньше штриховки; хорошо контрастируются густо- и редконаселенные районы (в частности, на Аравийском полуострове, в Иране и Афганистане). Наконец, лучшая читаемость карты достигнута и тем, что для соседних народов подобраны наиболее контрастные цвета, позволяющие легко различить границы этнических общностей. Все это говорит о том, что автор учел недостатки ранее вышедших карт, на которых районы со смешанным населением подчас почти не просматривались. Впрочем, и на рецензируемой карте некоторые районы все же читаются с трудом. Таковы в особенности северо-восток Афганистана и северная часть Хоросана. Недостаточно ясно просматриваются и те народы, которые показаны отдельными вкраплениями — армяне, ассирийцы, народы индийской языковой группы.

К рецензируемой карте приложен пояснительный текст «Население Передней Азии» объемом свыше 4 авторских листов. Он состоит из 5 разделов («Краткая характеристика природных условий и хозяйства», «Общая характеристика населения», «Этнический состав стран Передней Азии», «Характеристика расселения отдельных народов», «Источники, использованные при составлении карты») и солидного библиографического списка. Пояснительный текст как бы вводит читателя в творческую лабораторию составителя карты и тем самым в значительной степени облегчает пользование последней. Вместе с тем содержательные разделы, посвященные этническому составу и расселению народов Передней Азии, несомненно, имеют и вполне самостоятельное научное значение справочного пособия.

Хочется особенно отметить, что содержащиеся в пояснительном тексте материалы отнюдь не являются простой сводкой этностатистических фактов и цифр. Приводимые С. И. Бруком данные характеризуют протекающие в переднеазиатских странах современные этнические процессы, говорят о продолжающейся в Турции, Иране, Израиле политике угнетения национальных меньшинств, о тяжелом положении женщины и т. д. Другим достоинством работы является то, что, насколько позволяют рамки публикации, автор стремится показать этнический состав не статично, а в его историческом развитии. Оба эти обстоятельства примечательны: они свидетельствуют, что присущие советской этнографической школе принципы партийности и историзма прочно утвердились и в такой, казалось бы, специфической области этнографии, как этническая картография и статистика.

В пояснительном тексте к карте народов Передней Азии есть отдельные неточности и редакционные промахи. Так, переднеазиатские «черкесы» являются выходцами не только с Северного Кавказа (стр. 16): в их состав вошли также закавказские (абхазские и аджарские) мухаджире. Арабы-шииты живут не только в Ираке, Ливане и Йемене (стр. 28): они есть почти во всех странах Аравийского полуострова (бахарина в Бахрейне и Катаре, хасские шииты в Саудовской Аравии и пр.). Фарси-кабули — не самостоятельный язык (стр. 38), а наречие гаджикского языка. Не всегда (это относится и к карте) достаточно продумано написание этнонимов: например, неясно, почему автор пишет «нафар», «теймурташ», «какар» и в то же время «ашфары», «каджары», «исхакзай». В тексте довольно много опечаток: «Моргенстиерн» вместо «Моргенстерне» (стр. 45), «Инграс» вместо «Инграмс» (стр. 45), «Деморни» вместо «Деморньи» (стр. 47), «Кушнеки» вместо «Кушкеки» (стр. 49). «О. Рейхани» вместо «А. Рейхани» (стр. 51). Есть они и на карте: «тиджаха» вместо «тийаха», «шахран» вместо «захран», «33» вместо «53», в результате чего на о-ве Кипр вместо армян показаны... бахтиары.

Подобного рода мелкие недочеты досадны, но легко исправимы при последующем переиздании. Общая же оценка как карты народов Передней Азии, так и сопровождающего ее пояснительного текста должна быть весьма высока. Рецензируемая публикация — актуальный и ценный научный труд, к которому будут обращаться все, кто занимается этнографией или историей, географией или экономикой стран Передней Азии.

А. Першиц

Gabrielle Bertrand. *Secret Lands where Women reign*. London, 1958, 215 стр.

Известная французская журналистка и путешественница Габриэль Бертран — член нескольких литературных и географических обществ, посетившая десятки различных стран, в том числе Северную Африку и Европу, Индокитай и Бирму, Китай и Индонезию — совершила в 1953—1954 гг. поездку в район горного Ассама (Восточная Индия). В результате этой поездки вышла в свет книга, которая является предметом настоящей рецензии. Эту книгу нельзя назвать этнографическим исследованием, однако огромный опыт писательницы, пристальный интерес к жизни изучаемых народов, умение подметить наиболее характерные черты их быта и разобраться в сложной общественной структуре делают ее записи ценным пособием для этнографа.

Целью путешествия Бертран были три области горного Ассама: горы Гаро, область гор Кхаси и Джайнтья и район у северной гималайской границы Ассама, место обитания народов апа-тани, дафла, абор и др. Приложенная карта позволяет проследить проделанный экспедицией путь: вступив на территорию Ассама через Голакгандж, она через Гаурипур и Гоалпару направилась в горы Гаро, достигнув административного центра этого района — Туры. После трехмесячного пребывания в горах Гаро экспедиция вернулась в Гоалпару, а оттуда через Гаухати проникла в область обитания народов кхаси, где пробыла с января по март 1954 г. Последний этап путешествия — в страну апа-тани начался с продвижения к Садии, т. е. на крайний северо-восток Ассама. С трудом перебравшись у Дибругарха в северную пограничную область, экспедиция вернулась в Гаурипур по северному берегу Брахманутры, вдоль внутренней пограничной линии. Таким образом, маршрут экспедиции пролегал по труднодоступным и малоисследованным районам Индии.

Книга состоит из пяти глав, из которых мы остановимся на трех (II, III, IV), представляющих непосредственный этнографический интерес, в то время как первая и пятая содержат в основном описание самого путешествия, природы, княжеской охоты. К сожалению, народы северной зоны (глава IV), особенно нуждающиеся в изучении, у Бертран описаны наименее полно, что, по-видимому, объясняется недостатком времени и трудными условиями работы. В центре внимания автора находятся два народа — гаро и кхаси, единственные среди ассамских народностей, сохраняющие матрилинейную организацию. Это обстоятельство обычно привлекало к ним внимание исследователей. Кроме специальных работ, написанных полвека назад¹, им посвящен ряд статей

¹ См., например, A. Playfair, *The Garos*, London, 1909; P. Gurdon, *The Khasis*, London, 1907.